

УДК 159.923.2

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВРАГА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Д.А. Шукин

Произведена предполагающая обращение к традициям социальной психологии и психоанализа попытка аналитической реконструкции процесса реализации субъективной агрессии, в результате которого враг конструируется в топической системе индивида. Современный человек находится в состоянии постоянного выбора одной из двух альтернатив — обеспечить себе стратегическую безопасность, узнав врага, но рискуя при этом столкнуться со всем ужасом встречи с ним, и краткосрочную, тактическую — избежать встречи, сохранив великую иллюзию мира как пространства всеобщего благоденствия.

Ключевые слова: образ врага; психоанализ; теория поля; бихевиоризм; гештальттерапия; идентичность; фрустрация; агрессия.

Значение врага, вне зависимости от того, существует ли он в виде ноумена или феномена, является ли означаемым или сам означен внешними структурами, на философском уровне очевидно. Однако для реконструкции того процесса, в результате которого враг конструируется в сознании индивида, следует обратиться к традициям психологии и психоанализа. Механизм поиска *Другого* рассматривается в соответствии с близостью взаимодействия, по пути увеличения социальной дистанции между антагонистами. Начать необходимо с уровня отдельного субъекта, его психологической структуры, с поиска базы, общего принципа враждебности, а затем подниматься вверх, пытаясь применить полученные закономерности к социальным телам разной сложности.

Сторонники психологической трактовки агрессии, актуализирующейся в отношениях вражды, многочисленны: З. Фрейд, В. Райх, К. Хорни, Г. Маркузе, Э. Фромм, а также представители постструктурализма, неомарксизма, постмодернизма, чьи взгляды стали результатом комплексного синтеза теорий, относящихся к самым разным областям знания [5; 6; 11; 13; 14]. Подобная синтетическая модель должна использоваться для того, чтобы максимально логично интегрировать терминологически удаленные концепции в создаваемую исследовательскую конструкцию. Не менее интересен, с

точки зрения гармонизации философской и психологической разверсток анализируемой проблемы, период открытого кризиса в психологии первой половины XX в., эвристический потенциал которого оказался огромным.

С точки зрения бихевиоризма в интерпретации Э. Толмена, конструирование врага — процесс, во многом связанный с узостью когнитивной карты субъекта, т.е. образов пространственного и символического окружения [8; 9]. «Узкая карта» означает частичную слепоту, когда часть интерпретативных методов не используется субъектом, а акцент делается на реализации наиболее знакомых практик и выборе наиболее очевидных, доказавших свою эффективность в прошлом (даже если ситуация в прошлом радикально отличалась от ситуации в настоящем) альтернатив. Вероятно, поднимаясь на метапсихологический уровень, мы можем говорить не только об индивидуальных когнитивных картах, но и о когнитивных картах социальных групп.

Фрустрация, как реальная или эфемерная неспособность удовлетворить свои потребности, ищет возможность для самоактуализации через использование трех динамик, описанных Толменом и являющихся интерпретацией видов психологической защиты: регресс, фиксация, перемещение агрессии на другие группы. Регресс и фиксация приводят к тому, что субъект в

случае стресса быстро возвращается к тому образу действий, который в прошлом никогда не приводил к стрессовым ситуациям.

Регресс и фиксация непосредственно связаны с третьим типом динамики. Возврат к предыдущей практике не может не акцентировать внимание субъекта на неудовлетворительности новой практики и ее роли в создании стрессовой ситуации. Сам субъект (точнее «Другие в субъекте», его alter ego) должен взять на себя вину за выбор неверной альтернативы. И все же ограниченность когнитивной карты предполагает перемещение агрессии на другие группы. Индивид не способен верно локализовать причину своего раздражения и, будучи сверхмотивирован, переносит свою агрессию на сконструированный образа врага.

Гештальттерапия позволяет рассмотреть появление врага в контексте образования форм, т.е. группировки социальной реальности как части символического окружения субъекта. В. Келер описывает исследовательский эксперимент, в процессе которого анализируются особенности восприятия человеком изображений линий и точек, определенным образом соотносенных друг с другом [2]. Группировка визуальной информации субъектом производится в соответствии с тремя принципами: принципом расстояния, принципом ограничения и принципом сосуществования членов одного качества.

Интерпретируя эти принципы как принципы, которые могут быть транспонированы на структуру отношений с *Другим*, мы имеем возможность переформулировать их следующим образом: принцип социальной или реальной (физической) дистанции, принцип символических барьеров, принцип личностной соотношенности субъектов.

Не следует забывать, что все эти принципы — лишь логика оптической оценки, позволяющая выстраивать символические фигуры, гештальты. Мы видим набор повторяющихся элементов и структурируем лежащую перед нами реальность тем или иным образом, разделяя фон, пространство, не заполненное ничем, и сами фигуры. Пока мы видим пустоту между однородными элементами, субъектами, они находятся в единой группе, но стоит изменить механизм зрения, пустота обретает собственную плоть и группы образуются иначе. Между

субъектом и его врагом пролегает иллюзорная пустота, которая реализуется в неспособности понять Другого, реинтерпретировать его существование с тем, чтобы «схватить» его механизмы самопонимания и выстроить по отношению к ним верную стратегию поведения.

К. Левин в рамках теории поля описывает модель «поля в данный момент», которая, вероятно, может помочь предварительно определить то, что представляет из себя образ как означающее, существующее в отсутствии уверенности относительно существования означаемого [4]. Левин, описывая опыты над животными, фиксирует свое внимание на ситуации, при которой крыса в образованной привычкой надежде обнаружить пищу стремится к концу лабиринта. Пища как цель существует лишь в сознании крысы в том смысле, что реальность существования пищи в конце лабиринта как таковая не прояснена. Животным движет фантом, однако его опыт не позволяет усомниться в том, что вскоре, при успешном преодолении всех препятствий, голод будет утолен.

В отличие от крысы, не обладающей символическими способностями, человек склонен не только ориентироваться на организованные привычкой ожидания, но и заочно формировать представление о свойствах и характеристиках своей цели. Так, в попытке унять символический голод идентичности субъект обретает врага как иллюзию, в которой в силу ряда причин — идеологического гнета, собственной аффективности или фрустрированности — не может усомниться.

Обратимся к классической психоаналитической теории З. Фрейда, которая легла в основу современных неофрейдистских и ряда постструктуралистских концепций. Одним из ключевых для Фрейда является вопрос об эссенции агрессии. Ответ на вопрос о том, предписана ли агрессия субъекту его психологической организацией, либо она является результатом рациональной работы его структур, звучит максимально конкретно: склонность к агрессии является неистребимой интенцией субъекта [15, с. 152]. Потребность в агрессивных действиях заложена в человеческой психике от природы. По Фрейду, агрессия обусловлена поиском человеческим существом рубежа собственной

субъективности, необходимостью разрушить другого человека, чтобы сохранить себя.

Вскрыв субъекта, Фрейд обнаружил конструирующую полярную пару — созидательную любовь и влечение к деструкции. Определяющий человеческое существование, наряду с Эросом, инстинкт смерти (безусловно, термин «инстинкт» употребляется нами не в традиционном естественнонаучном значении) есть сила, направляющая индивида по собственному «пути смерти», гарантирующему совершение полного жизненного цикла. Внутренняя агрессия сына Никты, брата бога сна Гипноса, заставляет искать того, кто может стать его жертвой.

Неотвратимость угрозы удовлетворению той или иной потребности помещает субъекта в ситуацию фрустрации. Переноса агрессию с реального препятствия на пути к удовлетворению цели на окружающих, субъект совершает символическую подмену объекта агрессии, наделяя объект качествами тотальной враждебности. Необходимо подчеркнуть, что агрессия как стремление к смерти может быть направлена субъектом на самого себя, но зачастую сам процесс переноса агрессии — следствие желания скрыть эту истину. Мы сталкиваемся с самообманом, сходным с самообманом Дон Кихота в момент его сражения с ветряными мельницами. Вместе с тем подмена закономерна, она совершает полный цикл, доказывая возможность назвать психоаналитическую теорию экономической, т.е. основанной на психологических затратах и инвестициях [7, с. 187–237].

Выброс агрессии направлен на определенный объект, отнюдь не случайный. Это означает, что агрессия предзадана, есть что-то «до агрессии», существует вектор, который позволит интенсифицировать и направить конструирование врага. Агрессия — это ресурс, который реализуется в отношениях вражды, но архитекторика врага, укорененная в структуре субъекта, определяет логику выбора объекта агрессии.

Используемое психотерапевтами понятие «круг насилия» предполагает наследственную передачу алгоритмов поведения, в которые интегрировано насилие как инструмент взаимодействия, из детства во взрослую жизнь, от родителей к детям, из поколения в поколение. Именно в детстве конструируется первый враг,

модель интеракции, которая впоследствии может стать универсальной.

На каждом из уровней человеческих отношений, начиная с тех отношений, что расщепляют единство индивида как субъекта, заканчивая межгрупповыми столкновениями, рассуждая в логике психоаналитиков, можно обнаружить три типа взаимоотношений субъекта и врага. Каждый из типов в конкретный момент столкновения «дарует» субъекту определенную позицию, одновременно обеспечивая его идентификацию.

Психоаналитическая конструкция Фрейда позволяет прояснить механику интеракции структурных компонентов субъекта, которая соответствует описываемым типам взаимоотношений. В психике индивидуума бессознательные импульсы противоречат усвоенным им моральным нормам. Собственные стремления, противоречащие самосознанию и моральным установкам, индивид бессознательно проецирует на *Других*. В первую очередь они приписываются отцу, который обладает правом на легитимную реализацию бессознательных желаний.

Самое раннее проявление эмоциональной привязанности к другому человеку и первый опыт структурирования собственного морального бытия определен психоаналитиками с помощью термина «эдипов комплекс». Здесь в качестве врага возникает образ отца-кастратора. Идентификация сына идентична желанию занять место отца, а отношения ребенка с отцом принимают враждебный оттенок: «Сын уже маленьким ребенком начинает испытывать особую нежность к матери, которую он считает своей собственностью, а отца воспринимает как конкурента, который оспаривает у него это исключительное обладание, и точно так же маленькая дочь видит в матери лицо, мешающее ее нежному отношению к отцу и занимающее место, которое она сама с удовольствием бы заняла» [10, с. 237].

Сын вступает в противоборство с отцом и стремится занять его место. Идеалом и конечной целью стремления является не сам отец, а его статус. Идентификация умножает личины отца, разделяет его, создавая набор образов, каждый из которых не равен реальным сторонам субъективности.

Второй тип отношений предполагает поиск врага в конкурирующем сиблинге, с которым

субъект обладает схожей траекторией социализации. Искажение черт сиблинга, обнаружение в нем конкурента вновь оборачивается «отчуждением его лиц».

Наконец, индивид сам может занять позицию отца-кастратора, пытаясь не дать своему сыну реализовать «контридентификацию» и сместить себя, захватив статусное место.

Все описанные типы отношений, несмотря на качественные отличия, имеют единое основание. Психоаналитическая традиция доказывает, что конструирование врага — процесс неизменный, базовый, но наиболее значимый и опасный враг заключен в самом субъекте. Введение Фрейдом второй топки — *Я*, *Сверх-Я* и *Оно* — позволяет детально описать конфликтные противостояния между различными инстанциями человеческой психики [12].

Основной конфликт локализован в противостоянии *Я*, как специфической части *Оно*, смыкающей *Оно* с внешним миром, и *Сверх-Я*, той части топической системы, которая не оставляет попытки реализовывать свой тотальный гнет. В значительной мере *Я* образуется из отождествлений, приходящих на смену оставленным *Оно* стремлениям к обладанию. Недоступность объектов, на достижение которых направлена сексуальность, заставляет *Я* интегрировать их в собственное «тело», таким образом навязывая в качестве любовного объекта, что ведет к открытию собственной нарциссической природы. Первые из этих отождествлений неизменно ведут себя как особая инстанция в *Я*, противопоставляют себя в качестве *Сверх-Я*. Позднее окрепшее *Я* в состоянии держать себя более стойко по отношению к таким воздействиям отождествлений, тем не менее, гнет *Сверх-Я* не может быть сброшен.

Как уже было отмечено, первое отождествление, в соответствии с концепцией эдипова комплекса, есть отождествление с отцом, которое приобретает отрицательную окраску, становясь амбивалентным. Любовь отца и нужда в его защите сопровождаются угнетением, реализуемым отцом. Образ отца включен в *Сверх-Я* и существует как представленность образа *Другого* в себе, впрочем, этот образ не осознаваем. Чем сильнее эдипов комплекс, чем быстрее протекает вытеснение, тем более полно *Сверх-Я* властвует над *Я*.

Амбивалентность заключена и в том, что энергия либидо может реализовываться субъектом двояко — через инстинкт смерти и инстинкт любви. Обращенность энергии Танатоса на себя самого есть стремление к состоянию Нирваны, когда все желания субъекта могут быть удовлетворены. Подобной ситуации препятствует *Сверх-Я*, авторитет которого подменяет принцип удовольствия принципом реальности, ограничивая порывы *Оно*, блокируя их: «От высшего существа, превратившегося теперь в идеальное *Я*, некогда исходила угроза кастрации, и этот страх кастрации и есть, вероятно, ядро, вокруг которого впоследствии нарастает страх совести» [12, с. 269].

Стремление уничтожить барьеры может привести к превращению субъекта в объект разрушительных влечений, а потому «связывается» Эросом. Именно этот факт, вероятно, может использоваться для анализа заповеди «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас», вскрыть истинную сущность которой помогает психоаналитический анализ. Фрейд отрицал возможность ненасильственной с точки зрения отношений *Я* и *Сверх-Я* реализации этого принципа, признавая, однако, его действительность в рамках деятельности по поддержанию социальной стабильности и «спасению» культуры [11]. Хотя социальные отношения не равны отношениям субъекта с представленными им же самим образами, фрагментированными структурами, существенных отличий между этими типами противостояний для самого субъекта не существует. Эрос «связывает» Танатос, спасая не только культуру, но и относительную целостность индивида: «Страх смерти при меланхолии допускает только одно объяснение: *Я* отчаивается в себе, потому что чувствует, как *Сверх-Я* ненавидит и преследует его, вместо того чтобы любить. Таким образом, жить означает для *Я* то же самое, что быть любимым *Сверх-Я*, которое и здесь выступает в качестве заместителя Оно» [12, с. 269]. *Сверх-Я* является врагом для *Я*, однако *Я*, помимо ненависти и желания сбросить с себя гнет *Сверх-Я*, с необходимостью должно полюбить его как самого себя. Необходимость *Другого* очевидна потому, что именно *Другой* спасает субъекта от

разрушающего влечения к Смерти, отводя предзаданную агрессию.

Герберт Маркузе акцентирует внимание на другой грани зависимости Эроса и Танатоса [5]. В современный период, когда субъект все в большей степени руководствуется принципом реальности, пусть и скрывающейся под маской игры, при сохранении основной модели конструирования врага психологический аспект выстраивания его образа меняется. Эрос и Танатос питаются одной, нейтральной энергией либидо. Цивилизация ограничивает сексуальность как принцип удовольствия целью воспроизведения потомства, затормаживает Эрос, тем самым освобождая силу Танатоса. Подавление Эроса имеет целью контроль, ограничение желаний, необходимое для выстраивания иерархии. Удовольствие ради удовольствия воспринимается как «Fleurs du Mal» («Цветы зла» Шарля Бодлера). Все большая погруженность *Сверх-Я* в поле императивов предполагает все большую пронизанность его инстинктом смерти.

Один из важнейших вопросов психоанализа заключен в том, где проходит граница между психологическим субъектом и окружающим его миром, каким образом субъект определяет свою психологическую самость и физическую телесность. Потеря, постепенное стирание этой границы, свойственное некоторым невротикам, ведущее к состоянию меланхолии, может привести к замене образа «врага в себе» образом «себя как врага». Подобная замена и оказывается причиной самоубийств. Субъект, чувствующий все большую вину, а именно подобную тенденцию предполагает свойственное современному миру самосовершенствование императивности *Сверх-Я*, стремится уничтожить врага со всей тотальностью. Доминанта жизни, поддерживаемая направленной на себя агрессией и изначальным регрессивным чувством, стремлением к Нирване, сменяется доминантой смерти. Вытесненное возвращается, и индивид терпит наказание за побуждения, которые он уже обуздал.

Согласно Маркузе, который во многом неоступно следует Фрейду, в настоящее время Имя Отца (весьма уместный термин Лакана [3, с. 51–61]) скрывает механизм государственной власти, его фигура становится воплощением логики прогресса. Роль семьи постепенно падает, и уже не столько отец оказывается объектом

агрессии, сколько его архетип, реализуемый Властью, осуществляющей символическое насилие: «Социальная сплоченность группы достаточно сильна, чтобы защитить себя от агрессии, но не для того, чтобы устранить агрессивность вовсе. Она обращается против тех, кто не принадлежит целому» [5, с. 92]. Если в рамках предыдущего размышления была проанализирована ситуация, в которой субъект «берет на себя» Имя Отца, идентифицируется с ним и осуществляет репрессии по отношению к собственным желаниям, выступающим в роли врага, в данной ситуации врагом становится сам репрессивный аппарат, что соответствует описанным типам взаимоотношения отца и сына. Необходимо отметить, что искомый образ врага оказывается выстроен в соответствии с логикой, реализуемой как следствие описанной бихевиористами узкой когнитивной карты.

Исключительно эффективные инструменты для определения места врага в структуре субъекта дает уже неоднократно упомянутая лаканистская традиция. Триада Жака Лакана «Воображаемое — Символическое — Реальное» позволяет локализовать ту лауну, которая раскрывает возможность формирования образа врага. Логика лаканиста-неомарксиста Славоя Жижека, построенная на диалектике метафор, направлена на «универсализацию» Лакана и вывод его теории за ее собственные границы [1].

Для лаканиста, подобного Жижеку, враг, точнее неопределимая изначальная враждебность как отблеск Реального, возникает из зазора между Воображаемым и Символическим, при этом концептуализируясь именно в символическом поле. Речь здесь идет о кинематографическом приеме, которым мастерски владел, к примеру, Альфред Хичкок. Этот прием определяется как «Я хорошо знаю, но...» [16, с. 87–107]. Враг — двойник субъекта, в этом смысле он знаком ему, но то Реальное, которое пробивается через символическую сетку, придает встрече с врагом известный ужас. *Другой* говорит с нами на другом языке, погружен в другое фантазматическое пространство.

Парадокс подобной логики заключается в том, что современный человек находится в состоянии постоянного выбора одной из двух альтернатив — обеспечить себе стратегическую безопасность, узнав врага, но рискуя при

этом столкнуться со всем ужасом встречи с ним, и краткосрочную, тактическую — избежать встречи, сохранив великую иллюзию мира как пространства всеобщего благоденствия.

Список литературы

1. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
2. Келер В. Некоторые задачи гештальтпсихологии // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию». М.: РПО, 1999. С.205–210.
3. Лакан Ж. Имена-Отца. М.: Логос/Гнозис, 2006.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003.
6. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008.
8. Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и человека // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1992. С.124–143.
9. Толмен Э. Поведение как молярный феномен // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1992. С.107–123.
10. Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб.: Алетейя, 1999.
11. Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ, религия, культура. М.: Ренессанс, 1992. С.65–134.
12. Фрейд З. Я и Оно // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1992. С.243–270.
13. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2000.
14. Хорни К. Наши внутренние конфликты. СПб.: Лань, 1997.
15. Freud S. Arguments for an Instinct of Aggression and Destruction // Abstracts of the Standard Edition of S. Freud. National Ins. of Mental Health. Rorkville, Mariland, 1971. Vol.XXI. P.130–175.
16. Žižek S. Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan Through Popular Culture. 2nd ed. Massachusetts Institute of Technology Press, 1992.

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE ENEMY CONSTRUCTION PROCESS WITHIN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOANALYTIC THEORIES

Denis A. Shchukin

Saint-Petersburg State University; 5, Mendeleev line, Saint-Petersburg, 199034, Russia

The article makes reference to the attempt of analytical reconstruction of the implementation of the subjective aggression using the traditions of social psychology and psychoanalysis. This attempt is presupposed by the fact that enemy is constructed in the topical system of subject. Modern subject is in a constant state of choosing one of two alternatives (1) to provide a strategic security by facing the enemy and encountering the whole horror of this meeting, or (2) to ensure short-term tactical security by avoiding epy meeting and maintaining the great illusion of the world as a space of welfare.

Key words: enemy image; psychoanalysis; field theory; behaviorism; Gestalt therapy; identity; frustration; aggression.